

УДК 94(470.53):2-735

doi10.17072/2219-3111-2017-4-35-45

ЦЕРКОВНО-АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В ПЕРМСКОЙ ЕПАРХИИ НАКАНУНЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

А.Н.Марченко

Пермский государственный национальный исследовательский университет, 614990, Пермь, ул. Букирева, 15
teoperm@mail.ru

Рассматриваются проводимая Святейшим синодом в 1916–1917 гг. по рекомендации Государственной думы приходская реформа и связанное с ней учреждение в Пермской епархии Соликамского викариатства. Анализируются материалы переписки епископа Пермского и Соликамского Андроника (Никольского) со Святейшим синодом, Пермской духовной консисторией, монастырями, земскими учреждениями, содержащими информацию о создании в уездном г. Соликамске кафедры викарного епископа и решении вопроса о назначении на нее достойного кандидата. Характеризуются состояние приходской жизни в России в период Первой мировой войны, особенности духовенства и православной паствы Пермской епархии, а также населения Пермской губернии, не исповедующего православную веру. Обращается внимание на участие Русская Православная Церковь, Святейшего синода, духовенства в общественно-политической жизни страны в интересах сохранения монархии и государства. Делается вывод о том, что создание в Пермской епархии викарной кафедры в г. Соликамске и назначение на должность викария достойного кандидата стало большой кадровой проблемой, разрешение которой зависело не только от воли епархиального архиерея – епископа Пермского и Кунгурского Андроника, но и прежде всего от влиятельных лиц в Святейшем синоде и самого императора Николая II. Преодолев сопротивление своих противников в Синоде, епископ Андроник добился назначения епископом Соликамским ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Феофана (Ильменского). Осуществление в Пермской епархии этой реформы совпало с началом революционных событий в Петрограде в феврале 1917 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, Русская православная церковь, Святейший Синод, Пермская епархия, епископ, духовенство.

Поиск путей совершенствования государственно-конфессиональных отношений в условиях светского государства сегодня не завершен. Он ведется, опираясь на опыт как дореволюционной России, так и Советского государства. Не случайно государственно-конфессиональные отношения в Российской империи накануне революции 1917 г. в последние 15 лет стали предметом серьезных научных дискуссий как светских, так и церковных историков.

В центре внимания оказались вопросы развития Православной церкви в указанный период, поиска путей ее самоопределения в новой, непривычной для нее политической и социально-экономической реальности, проведения назревших церковных реформ. Например, по мнению священника Георгия Ореханова, необходимость коренных изменений в отношениях государства и Церкви, а также важнейших преобразований церковной жизни была продиктована предчувствием духовной и культурной элитой страны надвигающейся катастрофы. «Для подавляющего большинства церковных и общественных деятелей именно в это время становится очевидным, что те проблемы, которые накопились за 200 лет синодальной системы управления, требуют скорейшего рассмотрения и разрешения» [Ореханов, 2002, с. 5].

В трудах С.Л. Фирсова подвергнуты обстоятельному анализу состояние церковной жизни в период царствования Николая II, а также процесс подготовки церковных реформ и проведения Поместного собора в период с 1904 по 1917 г. Автор пытается ответить на сложный вопрос: «что же могла в тех условиях предпринять Православная Церковь? Была ли у нее возможность обезопасить себя на случай гибели самодержавной империи?» [Фирсов, 2007; 2002, с. 6].

Не менее интересен и важен вопрос о степени ответственности Православной церкви как государственного и социального института за трагическую судьбу империи и падение самодержавия. Попытку решения этой проблемы можно обнаружить в работах М.В. Шкаровского,

который считал: «Русская Церковь не была замкнутой в себе реликвией культурного прошлого. В ней тоже созрела своеобразная "революционная ситуация". С 1905 г. основная часть духовенства, в том числе епископата, проявляла недовольство политикой Святейшего Синода и существовавшей системой в целом» [Шкаровский, 2005, с. 6]. Эта вполне обоснованная точка зрения получила крайнее выражение в работах М.А.Бабкина: духовенство было тенденциозно представлено как революционная сила, активно принимавшая участие в расшатывании монархического строя [Бабкин, 2011, с.104–106]. Историк П.Г. Рогозный утверждает, что высшее духовенство Русской Церкви в революционный период активно участвовало в политической борьбе за власть в своих епархиях [Рогозный, 2008, с.3–4].

Тема церковно-государственных отношений в преддверии крушения монархии была затронута и региональными учеными. Так, общественно-политическая деятельность Русской православной церкви на Урале во время двух революций стала предметом исследования пермского историка М.Г.Нечаева. Процесс церковного реформирования он считает неотъемлемой частью общего революционного процесса – «церковной революцией». Он констатирует толерантное отношение уральского духовенства к мировоззренческому диссидентству и событиям, связанным с падением монархии и Российской империи [Нечаев, 2004, с.311–312].

Подводя итог краткому историографическому экскурсу, необходимо отметить: в силу целого ряда исторических факторов – активного участия Православной церкви в политической жизни империи, достаточно высокой степени религиозности общества, огромной роли религии в личной жизни императора Николая II и его семьи и других – вопросы истории Православной церкви и церковно-государственных отношений в указанный период имеют большое значение для понимания эпохи и не могут быть отодвинуты на периферию исследовательского поля.

После политических катаклизмов 1905–1906 гг. в Российской империи произошли важные политические перемены, имевшие прямое отношение к религиозной жизни страны: впервые в ее истории был создан внеконфессиональный орган – Государственная дума, законодательно закреплена свобода совести. Эти реформы стали прологом к грядущему отделению Православной церкви от государства, которое было осуществлено сначала Временным правительством, а затем и Советом народных комиссаров в 1917–1918 гг.

В 1916 г. внешнеполитическое и внутреннее положение России было чрезвычайно напряженным. Шла кровопролитная Первая мировая война. В стране с каждым днем росло недовольство властью во всех кругах общества, но ситуация еще находилась под контролем. В это время Православная церковь оставалась государственным институтом, задачей которого было оказание религиозно-нравственного и патриотического влияния на все общественные слои.

Однако, оказывая поддержку государственной власти, Православная церковь сама находилась в состоянии глубокого внутреннего кризиса. К началу XX в. стала очевидной унижительная зависимость Церкви от государственного аппарата, частью которого она являлась со времен петровских преобразований. Финансируемая государством Русская церковь, чиновничий стиль поведения церковных иерархов вызвали справедливую критику образованной части общества. Падение авторитета Церкви и, как следствие, постепенное расцерковление – отход от своих религиозных корней – наблюдались и в народных массах.

Необходимость масштабных церковных реформ, направленных на изменение существующих церковно-государственных отношений, реорганизацию системы церковного управления, а также на активизацию внутренней церковной жизни, осознавалась не только в высших церковных кругах. С личного позволения императора Николая II в недрах церковно-государственного аппарата медленными темпами шла подготовка к всероссийскому Поместному собору, решениями которого предстояло канонически закрепить все планируемые преобразования. Однако война отодвигала созыв собора в необозримое будущее, а религиозная индифферентность и безнравственность общества только нарастали.

Держа руку на пульсе религиозных и политических настроений народа, уставшего от войны и других бедствий, Православная церковь стремилась всеми средствами понизить градус антиправительственных настроений и направить духовную энергию народных масс в позитивное, созидательное русло. Угасающие патриотические чувства должен был поддержать религиозный подъем, основанный на активности церковных низов – приходского духовенства и его многомиллионной, преимущественно крестьянской, паствы. Не случайно именно в это время

Святейшим синодом была предпринята попытка экстренного проведения чрезвычайно важной для Православной церкви в России приходской реформы.

В XIX – начале XX в. жизнь православного прихода представляла собой печальное зрелище. По замечанию протопресвитера военного и морского духовенства Георгия Шавельского, «она выражалась в посещении прихожанами богослужений, в отправлении треб у своих приходских священников. Активного и живого участия в духовной жизни приход не принимал: священно- и церковно-служители назначались независимо от него, в заведывании церковным имуществом, в просветительской и благотворительной деятельности приход не участвовал» [Шавельский, 2005, с. 364].

Паралич приходской жизни был связан с отчужденностью народных масс от церковной иерархии, потерей авторитета духовенства. Вот, что писал по этому поводу епископ Пермский и Соликамский Андроник (Никольский): «...Приходская жизнь была нарушена, сведясь только к принадлежности христиан по месту к тому или иному храму без тесного духовного единения под кровом храма около отцов духовных... Жизнь народная начала складываться и строиться в отвлечении от Церкви, от духовных руководителей. Получилось так, что Церковь и приход сами по себе, а вся жизнь сама по себе... Теперь "православные христиане" только в храмах, а в жизни – «граждане»» [Андроник (Никольский), 1916, с. 187].

Сущность приходской реформы сводилась к тому, чтобы сделать приходского священника центром церковной жизни, объединить вокруг него наиболее преданных, деятельных мирян, чтобы они стали его опорой и помощниками в церковной работе. Таким образом, перед Церковью стояла трудная и ответственная задача – обновить и оживить приходскую жизнь, поднять авторитет духовенства на достойную высоту.

В 1916 г. под давлением Государственной думы и церковной общественности, критиковавших духовное ведомство за неспособность осуществить церковные реформы, Святейший синод осуществил ряд подготовительных мероприятий по введению в действие закона об устройстве православных приходов, проект которого находился на рассмотрении в законодательных учреждениях. В частности, епархиальным архиереям было предписано регулярно посещать приходы епархии для личного ознакомления с состоянием церковных дел [Савва (Тутунов), 2011, с. 206–218].

Отдавая должное сложности приходского переустройства, Святейший синод 8–9 марта 1916 г. поручил епархиальным преосвященным обсудить вопрос об учреждении в их епархиях викариатств – кафедр викарных епископов (епископов-помощников. – А.М.), если имеется возможность изыскать местные источники для их содержания. Открытие викарных кафедр предусматривалось не во всех епархиях, а только в наиболее крупных по своей территории и количеству монастырей и приходов. Необходимость разукрупнения епархий в Русской церкви назрела давно. Например, в 1916 г. на территории Пермской губернии располагались сразу две православные епархии – Пермская и Екатеринбургская. Первая охватывала в основном предуральские уезды и имела в своем составе 481 приход и 13 монастырей, другая – зауральскую часть губернии, где насчитывалось 465 приходов и 12 монастырей [Марченко, Софьин, 2016, с. 30]. Лично посетить такое количество приходов пермский и екатеринбургский преосвященные не могли, на это потребовалось бы несколько лет. Следовательно, эффективно управлять церковной жизнью в таких условиях епархиальным архиереям было практически невозможно.

Таким образом, создаваемые викариатства были призваны облегчить процесс управления церковной жизнью. Они должны были стать в своих епархиях полусамостоятельными церковно-административными единицами, возглавляемыми епископами-викариями с особыми полномочиями.

Права и обязанности викарных епископов были определены Святейшим Синодом 13 сентября 1916 г. в высочайше утвержденной «Инструкции викарным епископам с особыми в епархиях полномочиями» (см. [Ковырзин, 2014, с. 107]). Согласно этому документу викарные епископы в порученной их управлению части епархии непосредственно решали дела, касающиеся а) охранения и распространения православной веры, б) богослужения, в) благоустройства и сооружения церквей, г) духовенства, д) приходов, е) хозяйства архиерейских домов, монастырей и церквей, если по этим делам не требовалось особого обсуждения и решения в духовной консистории, ж) споров между лицами духовного звания из-за пользования движимой и

недвижимой церковной собственностью, з) жалоб на духовных лиц в нарушении обязательств и по просьбам о побуждении к уплате беспорных долгов, и) жалоб, связанных с выдачей приходскими причтами метрических выписей[Там же.с. 107]. По некоторым данным в 1916–1917 гг. было создано около 10 кафедр викарных епископов, в том числе в Вологодской, Вятской, Самарской, Ставропольской, Владивостокской, Екатеринославской, Уфимской, Новгородской, Пермской, Туркестанской.

Следуя указаниям Синода, 16 марта 1916 г. епископ Пермский и Соликамский Андроник направил запрос в Пермскую духовную консисторию относительно целесообразности открытия в Пермской епархии викариатства и просил ее членов вынести об этом суждение. В документе была ясно обозначена личная позиция епископа Андроника: «Условия усложняющейся народной и государственной жизни, а равно и несомненное в ближайшем времени усиление раскольниковской и сектантской и безрелигиозной пропаганды делает совершенно непосильным архипастырский труд в епархии для одного епархиального архиерея. Посему со своей стороны нахожу справедливым во исполнение данного синодального определения возбудить ходатайство об учреждении в Пермской епархии кафедры викарного архиерея...» (ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 47. Л. 8).

31 марта Пермская духовная консистория выдала свое заключение, в котором не только соглашалась с мнением епархиального архиерея, но и всесторонне обосновывала необходимость учреждения викариатства. Аргументы в пользу открытия викарной кафедры были убедительными.

Во-первых: сложные географические и этнические параметры епархии, затруднявшие деятельность епархиального архиерея. В 1916 г. Пермская епархия занимала площадь до 360 тыс. кв. верст. Ее православное население превышало 1,5 млн человек обоего пола.

На Юге, в Осинском и Красноуфимском уездах, в большом количестве проживали народы, не исповедовавшие христианство: черемисы, башкиры, татары, вотяки. В их среде было свыше 100 тыс. мусульман, свыше 20 тыс. язычников. Почти во всех уездах числилось свыше 100 тыс. старообрядцев и свыше 3 тыс. католиков и лютеран. Чрезвычайно сильным оставалось влияние старообрядчества.

Во-вторых: неудачное местоположение Перми как епархиального города – не в центральной, а в западной части епархии.

В-третьих: отсутствие удобных транспортных путей, позволяющих епископу быстро перемещаться по своей территории. Существовали только две железные дороги – Сибирская и Горнозаводская. Водный путь, идущий с севера на запад, пересекал только центральную часть епархии. Север, юг и восток епархии имели только грунтовые дороги низкого качества. Неудивительно, что многие приходы за 200 лет истории Пермской епархии практически не посещались архиереем.

В-четвертых: малообразованность пермского духовенства. Большинство священнослужителей Пермской епархии не получили среднего семинарского образования и имели за плечами духовные и городские училища, двухклассные церковные школы или домашнее обучение. По оценкам консисторских чиновников, «такое духовенство при горячем желании едва ли будет в состоянии без посторонней помощи провести в жизнь реформу приходской жизни... Оно нуждается в непрестанном архипастырском руководстве: указаниях, советах, наставлениях, беседах, ознакомлении с положением дел на местах...» (Там же.Л. 8–9).

По общему мнению консистории и епископа Андроника, в этих трудных условиях единственным выходом из положения оставалось учреждение в Пермской епархии кафедры викарного архиерея, который бы «разделил великий труд епархиального епископа по управлению обширной Пермской епархией» (Там же. Л. 9).

Относительно местопребывания викария епископ Андроник писал: «Викарный епископ будет жить в г. Соликамске в Соликамском мужском монастыре на правах его настоятеля, получая от монастыря содержание квартирой, столом, прислугой (два келейника), выездом без нарушения правил сего монастыря. Называться викарному епископу подобает "Соликамским". А епархиальный архиерей должен называться "Пермским и Кунгурским"» (Там же.Л.10). В ведение викария епископ Андроник намеревался передать северные уезды – Соликамский и Чердынский. Предполагалась, что во время путешествий епархиального архиерея викарный епископ будет жить в Перми, в архиерейском доме, управляя делами епархии и совершая богослужения.

Место пребывания викария в Соликамске епископ Андроник выбрал не случайно. Соликамск был соединен с епархиальным городом водным и железнодорожным транспортом, занимал удобное географическое положение на севере. Находясь здесь, епископ мог без труда посещать Соликамский и Чердынские уезды, где стала оживляться церковная жизнь: открывались новые приходы, строились храмы.

Непростым оказался вопрос о содержании викарного епископа. В условиях военного денежного дефицита государственное казначейство не могло принять на себя расходы по его содержанию. По решению епископа Андроника обязанность материального обеспечения викария должны были взять на себя общежительные монастыри Пермской епархии, внося ежегодно в Пермскую духовную консисторию 3 тыс. руб. Взносы монастырей были распределены следующим образом: Белогорский Свято-Николаевский мужской, Пермский Успенский женский, Кунгурский Иоанно-Предтеченский женский – по 500 руб. в год, Бахаревский Серафимо-Алексеевский женский – 250, Обвинский Успенский женский – 200, Чердынский Иоанно-Богословский женский, Соликамский Свято-Троицкий мужской, Соликамский Иоанно-Предтеченский женский – по 150, Пешнигортский Стефановский женский, Тамаровский Сергиевский женский – по 75, Сарсинский Боголюбский женский, Фаворский Спасо-Преображенский мужской и Город-Благодаский Свято-Троицкий мужской по – по 150 [К делу об открытии..., 1916. с.171–173]

Содержание викарного епископа не уступало доходам епархиального архиерея, который ежегодно получал жалование в 2500 руб. от казны и 500–700 руб. от Крестовой церкви. 31 марта 1916 г. всем монастырям было предложено доложить о готовности вносить указанную сумму. В апреле были получены ответы.

Монашество Пермской епархии поддержало епископа Андроника в этом вопросе. Никто из настоятелей и настоятельниц не отказался понести финансовые расходы. Однако из рапортов видно, что эта обязанность была не такой уж легкой и даже весьма обременительной для некоторых монастырей.

Первой на призыв епископа Андроника откликнулась настоятельница Пермского Успенского женского монастыря игуменья Нина (Хвальковская): «Имею честь донести, что на содержание викарного епископа имеется возможность ассигновать 500 рублей из сумм нашей церкви за неимением в монастыре свободных средств» (ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 47. Л. 12).

«Сознавая вполне, как трудно приходится Вашему Преосвященству управляться с разными текущими делами в нашей обширной Пермской епархии, и что Вам необходимо иметь для себя помощника в лице викарного епископа, согласен придти на помощь Вашему Преосвященству в обеспечении содержания сего помощника и изъявляю желание ежегодно вносить от Белогорского монастыря 500 рублей на сие необходимое дело...», – писал настоятель Белогорского монастыря архимандрит Варлаам (Коноплев) (Там же. Л. 31).

Деятельность викарного епископа предусматривала постоянные разъезды по северным территориям Пермской епархии. Чтобы обеспечить своего будущего помощника гужевым транспортом, епископ Андроник обратился в Соликамскую и Чердынскую земские управы с просьбой безвозмездно предоставлять в текущем 1916 и будущем 1917 г. в распоряжение викарного епископа три лошади для совершения поездок. Сочувствуя учреждению в Соликамске кафедры викарного епископа, Соликамская земская управа дала согласие на бесплатное получение на земских станциях трех лошадей. Чердынцы же оставили эту просьбу без удовлетворительного ответа. Чердынское земское собрание отказало в предоставлении лошадей для викарного епископа, сославшись на значительные расходы земства, вызванные обстоятельствами военного времени, и двукратное удорожание стоимости конного извоза.

Кроме транспорта было необходимо обеспечить викария необходимым облачением и утварью для совершения архиерейских богослужений. С этой целью епископ Андроник вновь обратился в Соликамскую городскую управу. В своем письме владыка писал: «В ближайшее время мною вчиняется ходатайство в Святейший Синод об учреждении в епархии кафедры викарного епископа с наименованием его "Соликамский" и с пребыванием его в Соликамском мужском общежительном монастыре. Надеюсь, что городская управа достойно отзовется на такое важное для города дело. Со своей стороны просил бы и Городскую Думу присоединиться к моему ходатайству перед Святейшим Синодом... Прошу теперь же выделить потребную сумму для приобретения хотя бы одного полного архиерейского облачения с мантией, дикириями и орлецами,

чтобы преподнести это в дар новоучреждаемой архиерейской кафедре...» С аналогичной просьбой епископ Андроник обратился и к церквям Соликамского благочиния, призывая настоятелей и благочинного «изыскать от себя от благотворителей средства на пошив одного или двух полных архиерейских облачений...» (Там же.Л. 23, 35, 47).

Избранником епископа Андроника на высокую должность викарного епископа стал ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Пимен (Белоликов). 7 мая 1916 г. владыка Андроник направил в Святейший синод представление, в котором писал: «...Долгом своим почитаю просить Святейший Синод удостоить утверждения на кафедру викарного епископа Пермской епархии ректора Пермской Духовной семинарии архимандрита Пимена, окончившего Киевскую Духовную академию в 1904 г., достойно проходящего свое служение, в достаточной степени ознакомившегося с населением и местными церковными нуждами и запросами края, чтобы быть действительным помощником епархиальному архиерею в деле управления громадной по пространству и разнородной по многочисленному населению епархией. В случае удовлетворения данного представления смиреннейше прошу Святейший Синод наречение и возведение во епископа архимандрита Пимена назначить в Петрограде» [Проводы..., 1916. с.564–566].

Два месяца прошли в ожидании решения Синода. 1 июля 1916 г. в царской ставке император Николай II слушал и утвердил синодальный доклад об учреждении в Пермской епархии кафедры викарного епископа с содержанием на местные средства. Однако решение оказалось совершенно иным, чем ожидал епископ Андроник. Вопреки его просьбам, на вновь открытую Соликамскую кафедру был назначен епископ Салмасский Сергей (Лавров), освобожденный от должности начальника Русской духовной миссии в Урмии (Персии). На его место в урмийскую миссию назначался избранник епископа Андроника – архимандрит Пимен (Белоликов) с возведением его в сан епископа Салмасского. 12 июля 1916 г. епископ Андроник был ознакомлен с указом чиновниками Пермской духовной консистории [Известия..., 1916, с.665–666].

Это неожиданное решение государя глубоко разочаровало епископа Андроника. На Соликамскую викарную кафедру назначался совершенно неизвестный ему епископ, перспектива отношений с которым была туманна. Кроме этого, владыка неожиданно лишился своего ближайшего помощника и воспитанника – архимандрита Пимена, на плечах которого лежала огромная епархиальная работа. Обязанности ректора Пермской духовной семинарии архимандрит Пимен совмещал с преподаванием на пастырских курсах, организацией народных чтений, попечением о семинарском лазарете и заботой о народной трезвости [Ходаковская, 2000, с. 181].

Очевидно, это неблагоприятное решение стало результатом личной неприязни к епископу Андронику со стороны некоторых членов и чиновников Синода – почитателей царского «друга» Григория Распутина, от благоволения и рекомендаций которого зависело назначение на высшие церковные должности.

По воспоминаниям протопресвитера Г. Шавельского, в июле – августе 1916 г. (когда решался вопрос о пермском викарии. – *А.М.*) в Синоде шла борьба за церковное управление между обер-прокурором А.Н. Волжиным и ставленником Г. Распутина Петроградским митрополитом Питиримом (Окновым). Борьба эта складывалась не в пользу честного обер-прокурора. При мощной поддержке своих влиятельных друзей митрополит Питирим победил. В сентябре 1916 г. А.Н. Волжин был уволен с должности обер-прокурора. «В конце 1916 года ставленники Г.Распутина уже фактически держали в своих руках управление... Целый ряд епископов епархиальных и викарных были клиентами Г.Распутина. Теперь лучшие представители Церкви – талантливые, просвещенные, чистые и неподкупные, не смирившиеся с распутинским засильем или просто не искавшие распутинского благоволения – или ставились под подозрение, или оставались в тени...» [Шавельский, 2005, с.384–487].

Епископ Андроник не принадлежал к лагерю Распутина. Напротив, его связывали старые добрые отношения с архиепископами Антонием (Храповицким) и Сергием (Страгородским) – членами Синода, которые давно считались противниками «старца». Однако эти архиереи не имели благоволения в глазах царской семьи и самостоятельно вести борьбу против «распутинской» партии и самого Г.Распутина не могли [Фирсов, 2002, с. 479].

Распутину было хорошо известно о резко отрицательном отношении к нему Пермского епископа Андроника. Проезжая из Петрограда в Тобольск, Григорий обычно останавливался на два дня в Перми. Здесь он посещал Спасо-Преображенский кафедральный собор. Чтобы не попасть на

глаза епископу Андронику, «царский друг» становился подальше от архиерейской кафедры, рядом с церковным старостой, около конторки, тогда как при предшественнике владыки – епископе Палладии (Добронравове) – стоял всегда впереди у правого клироса [Дамаскин (Орловский), 1996, с. 93].

Не удивительно, что, несмотря на большие связи в высших сферах, решить вопрос о викарном епископе во благо себе и епархии епископ Андроник не смог.

Документы Святейшего синода свидетельствуют, что назначение епископом Соликамским преосвященного Сергия (Лаврова) было делом вынужденным и явно неблагоприятным для Пермской епархии. Будучи начальником миссии в Урмии, епископ Сергей отличился своей недальновидной политикой и сомнительной пастырской деятельностью. Он создал группу людей, преданных не столько православию и России, сколько лично ему. При решении финансовых вопросов он учитывал материальные интересы этой группы. Епископ Сергей сознательно противодействовал консульской политике, что и повлекло за собой непреклонное решение Министерства иностранных дел России удалить его из Персии. Более всего русские дипломатические круги в Персии не устраивала непримиримость епископа Сергия к инославным миссиям союзнических государств – Англии и Франции (к католикам и протестантам) (РГИА. Ф. 796. Оп. 204. Д. 83. Л. 2–2 об.).

Назначение в Пермь викария, отметившегося на прежнем месте служения религиозным экстремизмом, побудило преосвященного Андроника искать выход из сложившейся ситуации. В Пермской епархии, где проживало много протестантов и католиков, особенно старообрядцев, миссионерское дело требовало деликатности и такта, а самое главное – человека безупречной репутации. Для епископа Андроника единственной возможностью выправить положение – отменить высочайше утвержденный синодальный указ о назначении епископа Сергия – могла быть только его личная встреча с царем. Такая возможность вскоре представилась.

7 августа 1916 г. епископ Андроник вместе с депутацией от Пермской губернии выехал в царскую ставку для представления государю и для вручения 101-му Пермскому пехотному полку «священного дара» – исторической хоругви – знамени XVII в. Во время этой поездки, 12 августа, епископ Андроник был принят Николаем II. Встреча с императором состоялась в кабинете временного дворца [Путешествие..., 1916, с. 642].

В ходе аудиенции епископ Андроник обсуждал с государем положение дел в Пермской епархии и Пермской губернии. Точно известно, что не была обойдена и болезненная для царской семьи «распутинская» тема. «Во время свидания епископ стал увещевать государя, говоря ему, что Григорий Распутин – личность недостойная, что о нем много говорят грязного, нехорошего, и близость его к царской семье порождает множество сплетен и компрометирует государя. Государь молча выслушал святителя, и когда тот окончил, встал с кресла и позвонил в колокольчик.

- Граф, проводите владыку! – сказал государь вошедшему министру двора графу Фредериксу. И сам пошел к выходу. В дверях он обернулся и сказал:

- До свидания, владыка, советую вам не верить всякому вздору. Император был задет этим выговором...» [Дамаскин (Орловский), 1996, с. 93].

Откровенный разговор с царем мог стоить епископу карьеры. Только немногие архиереи решались на такой смелый поступок. Понимая сложность создавшегося положения, на обратном пути из Петрограда владыка Андроник отправился в Новгород, чтобы встретиться с пользовавшимся благоволением царской четы, влиятельным в высших церковных кругах архиепископом Новгородским Арсением (Стадницким). 2 сентября епископ Андроник возвратился в Пермь [Путешествие..., 1916, с. 644].

В октябре – ноябре 1916 г. в письмах к митрополиту Арсению епископ Андроник просил иерарха о протекции в Синоде новой приемлемой для него кандидатуры викария – архимандрита Варсонофия (Лебедева), известного миссионера-проповедника Новгородской епархии. «...Не отпустите ли тогда в Соликамск отца архимандрита Варсонофия, как я прошу у Синода? Мне нужен работник на раскол северный, пока еще дремлющий, чтобы не было поздно, когда проснется. Если можно, то отпустите и поставьте его у Софийских угодников в архиерея, как и древле ушкуйники от Софии направлялись в Биармию-Пермь...» [Андроник (Никольский), 2007, с. 250–252]. Однако архиепископ Арсений имел свои виды на архимандрита Варсонофия, который вскоре был назначен Синодом епископом Кирилловским, викарием Новгородской епархии.

Наступил декабрь 1916 г., но дело о викарном архиерее для Пермской епархии не двигалось с места. Назначенный Синодом еще в июле на викарную Соликамскую кафедру епископ Сергей (Лавров) так и не прибыл к новому месту служения. Официальной причиной этого объявлялось его болезненное состояние [К делу об открытии..., 1917, с. 250–252].

В это время в высших сферах государственной и церковной власти произошли важные события, повлиявшие на ход церковно-административных преобразований в Пермской епархии.

11 декабря 1916 г. императрица нанесла визит в Новгород, посетила новгородский Знаменский собор, где находилась чудотворная икона Знамения Божией Матери. Эта поездка оказалась последним паломническим путешествием Александры Федоровны и сопровождавшего ее «инкогнито» Григория Распутина. В ночь на 16 декабря в Петрограде Г.Распутин был убит. На похоронах «старца» в Царском Селе царица положила на грудь «друга» иконку, которой благословил ее архиепископ Новгородский Арсений (Стадницкий).

После убийства Г.Распутина некоторые члены Синода «поспешили загладить впечатление от своей близости с ним и от обстоятельств своей карьеры». В их деятельности сразу же проявились «прогрессивные тенденции» и «реформаторский пафос». По мере того как лагерь «распутинцев» в Синоде сдавал свои позиции, обозначились новые подходы к решению вопросов о важнейших кадровых назначениях [Фирсов, 2002, с.481–483].

В очередном письме от 7 января 1917 г. к своему покровителю архиепископу Новгородскому Арсению епископ Андроник сообщал о своей попытке провести через Синод нового кандидата на Соликамскую кафедру – ректора Пермской духовной семинарии архимандрита Феофана (Ильменского). «Ваше Высокопреосвященство. Осмелился я вчера послать представление о назначении мне викарием моего ректора архимандрита Феофана. Поддержите это мое представление. Хотя он и недавно здесь, но академию окончил еще в 1892 году и с 1894 года в священном сане был законоучителем, а потом смотрителем и, наконец, ректором. И здесь сразу прекрасно повел дело. Надеюсь иметь в нем хорошего помощника... Вы получили по моему намерению викария, помогите и мне иметь тоже по моему намерению помощника. Спешу просить об этом, ибо полагаю, что теперь же и суждение об этом будет в Синоде» [Андроник (Никольский), 2007, с. 257–258].

Долгожданное решение наболевшего вопроса о викарном епископе для Пермской епархии последовало 21 января 1917 г. Указом Святейшего синода епископ Сергей (Лавров), так и не увидевший свой кафедральный город Соликамск, был назначен епископом Семиреченским и Верненским, викарием Туркестанской епархии. Его судьба оказалась парадоксальна, как и его религиозные взгляды. По неофициальным, но достоверным сведениям, после февральской революции епископ Сергей разорвал свои отношения с Русской православной церковью и перешел в англиканство, за что был лишен сана и отлучен от Православной церкви [История..., 2006, с. 33–34].

Тем же указом ректор Пермской духовной семинарии архимандрит Феофан (Ильменский) назначался епископом Соликамским, викарием Пермской епархии. Его наречение во епископа и хиротонию было определено совершить в г. Перми. 31 января 1917 г. епископ Андроник, получивший новый титул «Пермский и Кунгурский», официально объявил об этом своей пастве (ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 47. Л. 1).

25 февраля 1917 г. в Крестовой церкви свт. Митрофана Воронежского Пермского архиерейского дома состоялось наречение архимандрита Феофана во епископа Соликамского, викария Пермской епархии. 26 февраля в Пермском Спасо-Преображенском кафедральном соборе епископскую хиротонию совершили пять иерархов Православной Церкви: епископ Пермский и Кунгурский Андроник (Никольский), епископ Глазовский Павел (Поспелов), епископ Барнаульский Гавриил (Воеводин), епископ Петропавловский Мефодий (Красноперов) и епископ Челябинский Серафим (Александров) [Королев, 2001, с. 141].

Церковные торжества в Пермской епархии по случаю завершения крупного церковно-административного преобразования: открытия Соликамской викарной кафедры и поставления епископа Феофана – совпали с революционными событиями в столице. В эти дни в охваченном беспорядками Петрограде решалась судьба монархии. В день хиротонии владыки Феофана – 26 февраля – на свое последнее заседание при самодержавном строе собрался Святейший синод. Его

участники отказались обратиться с воззванием к народу в поддержку монархии. 2 марта император Николай II отрекся от престола.

Список источников

Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. 664. Оп. 1. Д. 47.
Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 204. Д. 83.

Библиографический список

- Андроник (Никольский), епископ.* Архипастырское послание к духовенству Пермской епархии о мероприятиях к введению в жизнь закона об устройстве православных приходов // Пермские епархиальные ведомости. 1916. №7. С. 187.
- Андроник (Никольский), епископ.* Письма о духовной жизни: Пишу от избытка сердца. М.: Сретенский монастырь, 2007. 304 с.
- Бабкин М.А.* Священство и Царство (Россия, начало XX в. – 1918 г.): Исслед. и матер. М.: «Индрик», 2011. 920 с.
- Дамаскин (Орловский), иеромонах.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Тверь: Булат, 1996. 528 с.
- Известия и заметки. Епископ Сергей // Пермские епархиальные ведомости. 1916. №27. 23 с.
- История иерархии Русской Православной Церкви: Комментированные списки иерархов по епископским кафедрам с 862 г. М.: Изд. Православного Свято-Тихоновского гуманитарного ун-та, 2006. 926 с.
- К делу об открытии в Пермской епархии кафедры викарного Епископа // Пермские епархиальные ведомости. 1916. № 22. С. 28.
- Ковырзин К. В.* Создание института викарных епископов «с особыми в епархиях полномочиями» в 1916 г. // Ежегодная Богослов. конф. Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского гуманитар. ун-та, 2014. №24. С. 103–104.
- Королев В.* Душу не погублю: Исповедники и осведомители в документах и о методах агентурной работы. М.: «Внешторгиздат», 2001. 240 с.
- Марченко А.Н., протоиерей, Софьин Д.М.* Сто лет под покровом Пресвятой Богородицы: Православная Церковь и Пермский университет в прошлом и настоящем. Пермь: Астэр, 2016. 208 с.
- Нечаев М.Г.* Церковь на Урале в период великих потрясений: 1917–1922. Пермь: Изд-во Пермского гос. пед. ун-та, 2004. 334 с.
- Ореханов Г., иерей.* На пути к Собору: Церковные реформы и первая русская революция. М.: Изд-во Православного Свято-Тихоновского Богословского ин-та, 2002. 221 с.
- Проводы архимандрита Пимена* // Пермские епархиальные ведомости. 1916. №24. 36 с.
- Рогозный П.Г.* Церковная революция 1917 г. СПб.: Лики России, 2008. 224 с.
- Савва (Тутунов), игумен.* Епархиальные реформы. М.: Духовная библиотека, 2011. 495 с.
- Фирсов С.Л.* Русская Церковь накануне перемен (кон. 1890-х – 1918 гг.). М.: Духовная библиотека, 2002. 623 с.
- Фирсов С.Л.* Церковь в Империи: Очерки из церковной истории эпохи Императора Николая II. СПб.: Сатис, 2007. 460 с.
- Ходаковская О.И.* Священномученик Пимен, епископ Семиреченский и Верненский / Свято-Троице-Сергиевой Лавра. Б.м., 2000. 430 с.
- Шавельский Г., протопресвитер.* Русская Церковь перед революцией. М.: Артос-Медиа, 2005. 510 с.
- Шкаровский М.В.* Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве / М.: Изд-во Крутицкого подворья, 2005. 423 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 10.09.2017

CHURCH AND ADMINISTRATIVE TRANSFORMATIONS IN PERM DIOCESE ON THE EVE OF THE FEBRUARY REVOLUTION

A. N. Marchenko

Perm State University, Bukirev str., 15, 614990, Perm, Russia
teoperm@mail.ru

In 1916, according to the recommendation of the State Duma, the Holy Synod started the parish reform designed to intensify the church activities of the clergy and the believers. For its successful implementation, the departments of suffragan bishops with special powers were established in a number of large dioceses of the Orthodox Church. The creation of the suffragan department in Solikamsk got approval of the head of the Perm diocese – the Perm and Solikamsk Bishop Andronic (Nikolsky). However, the appointment of the worthy candidate to the post of the vicar became a big personnel problem, and its solution depended on the influential people in the Holy Synod and on Emperor Nicholas II. The intrigues of the members of the Synod entering a circle of confidants of the favourite of imperial family Grigory Rasputin led to the result undesirable for Bishop Andronic. The candidacy of the archimandrite Pimen (Belolikov) proposed by him was rejected. Instead of him, the Salmas Bishop Sergey (Lavrov) who was a former chief of the Russian spiritual mission in Iran was appointed to the Solikamsksuffragan department. However, soon he refused to arrive to the place of the new service. The death of Rasputin and the removal of his supporters from the Synod changed the situation in the favourable party. Bishop Andronic overcame the resistance of political opponents and achieved the assignment of his new candidate archimandrite Feofan (Ilmenskiy) (rector of the Perm seminary) as the Solikamsk Bishop. On the combination of circumstances, the implementation of this administrative reform coincided with the beginning of the revolutionary events in Petrograd in February 1917.

Key words: World War I, Russian Orthodox Church, Holy Synod, Perm diocese, bishop, clergy.

References

- “News and notes. Bishop Sergius” (1916), *Permskieeparkhial'nyevedomosti*, № 27, 23 p.
- “Seeing off Archimandrite Pimen” (1916), *Permskieeparkhial'nyevedomosti*, № 24, 36 p.
- “To the case of the opening in the Perm diocese of the chair of the vicar bishop” (1916), *Permskieeparkhial'nyevedomosti*, № 22, 22 p.
- Andronik (Nicol'skiy), episkop (1916), “Arch-flamen’s epistle to clergy of the Perm diocese about the introduction to life of the law on the organization of orthodox parishes”, *Permskieeparkhial'nyevedomosti*, №7, 18 p.
- Andronik (Nicol'skiy), episkop (2007), *Pis'ma o dukhovnoyzhizni: Pishuotizbytkaserdtsa*[Letters about spiritual life. I write from my full heart], Sretenskiy monastyr', Moscow, Russia, 304 p.
- Babkin, M.A. (2011), *Svyashchenstvoisarsstvo (Rossiya, nachalo XX v. – 1918 g.)* [Priesthood and the Kingdom (Russia, the beginning of the 20th century – 1918)], Indrik, Moscow, Russia, 920 p.
- Damaskin (Orlovskiy), ieromonah (1996), *Mucheniki, ispovednikiipodvizhnikiblagochestiyaRusskoyPravoslavnoyTserkvi XX stoletiya: Zhizneopisaniyaimaterialy k nim*[Martyrs, confessors and devotees of piety of Russian Orthodox Church of the XX century], Bulat, Tver', Russia, 528 p.
- Firsov, S.L. (2002), *RusskayaTserkov' nakanuneperemen (kon.1890-kh – 1918 gg.)* [Russian Church on the eve of changes (the end of the 1890s – 1918)], Dukhovnayabiblioteka, Moscow, Russia, 623 p.
- Firsov, S.L. (2007), *Tserkov' v Imperii: OcherkiiztserkovnoyistoriiepokhiImperatoraNikolaya II* [Church in the Empire: Essays from the church history of the era of Emperor Nicholas II], Satis, St. Petersburg, Russia, 460 p.
- IstoriyaierarkhiiRusskoyPravoslavnoyTserkvi: Kommentirovannyespiskiierarkhovpoepiskopskimkafedram s 862 g.* (2006) [History of the hierarchy of the Russian Orthodox Church: Commentary lists of hierarchs on the episcopal departments since 862], PravoslavnyySvyato-Tikhonovskiygumanitarnyyuniversitet, Moscow, Russia, 926 p.
- Khodakovskaya, O.I. (2000), *SvyashchennomuchenikPimen, episkopSemirechenskiyiVernenskiy*[Priestly martyr Pimen, bishop Semirechensky and Vernensky], Svyato-Troitse-SergievoyLavra, Russia, 430 p.
- Korolev, V. (2001), *Dushu ne pogublyu: Ispovednikiiosvedomiteli v dokumentakhi o metodakhagenturnoyraboty* [I will not ruin my soul: Confessors and informers in documents and methods of agency work], Vneshtorgizdat, Moscow, Russia, 240 p.
- Kovyrczin, K.V. (2014), “Creation of institute of suffragan bishops "with special powers in dioceses" in 1916”, in *EzhegodnayaBogoslavov. konf. PravoslavnogoSvyato-Tikhonovskogogumanitarnogouniversiteta*[Annual Theological Conference of the Orthodox St. Tikhon Humanitarian University], Izd-voPravoslavnogoSvyato-Tikhonovskogogumanit. un-ta, Moscow, Russia, №24, pp. 103–104.
- Marchenko, A.N., protoierey, Sofyin, D.M. (2016), *Sto let pod pokrovomPresvyatoyBogoroditsy: PravoslavnayaTserkov' iPermskiyuniversitet v proshlominastoyashchem* [A hundred years under the protection

- of the Blessed Virgin Mary: the Orthodox Church and Perm University in the past and present], Aster, Perm', Russia, 208 p.
- Nechaev, M.G. (2004), *Tserkov' naUrale v period velikikhpotryaseni: 1917–1922* [Church in the Urals in the period of great shocks: 1917-192.], Izdatel'stvoPermskogogosudarstvennogopedagogicheskogouniversiteta, Perm, Russia, 334 p.
- Orehanov, G., ierey (2002), *Na puti k Soboru: Tserkovnyereformyipervayarusskayarevolyutsiya* [On the Way to the Cathedral: Church Reforms and the First Russian Revolution], Izdatel'stvoPravoslavnogoSvjato-TihonovskogoBogoslovskogoinstitut, Moscow,Russia, 221 p.
- Rogoznyy, P.G. (2008), *Tserkovnayarevolyutsiya 1917 g.* [Church revolution of 1917], LikiRossii, St. Petersburg, Russia, 224 p.
- Savva (Tutunov), igumen (2011), *Eparkhial'nyereformy* [Diocesan reforms], Dukhovnayabiblioteka, Moscow, Russia, 495 p.
- Shavel'skiy, G., protopresviter (2005), *RusskayaTserkov' peredrevolyutsiey* [Russian Church before revolution], Artos-Media, Moscow, Russia, 510 p.
- Shkarovkiy, M.V. (2005), *RusskayaPravoslavnayaTserkov' priStalineiKhrushcheve* [Russian Orthodox Church in the period of Stalin and Khrushchev],Izd. Krutitskogopodvor. Obshchestvolyubiteleytserkovnoyistorii, Moscow, Russia, 423 p.